

и Рыцарь и принцесса

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Кристина Выборнова

18+

Кристина Выборнова

Рыцарь и принцесса

«Автор»

2026

Выборнова К.

Рыцарь и принцесса / К. Выборнова — «Автор», 2026

Книга описывает события детективного романа "Принцесса и рыцарь" от лица майора Колина Розанова. Майор Розанов после развода и череды неудачных отношений решает уйти в работу. Так ему подворачивается дело о подозрительной пропаже детей во Владимирской области.

Волонтеры-поисковики, когда он к ним присоединяется, относятся к нему недоброжелательно... Все, кроме девушки-композитора по имени Ксения, которую в отряде за неуклюжесть зовут "принцессой". И дальше для Розанова начинается борьба между долгом и любовью. Что он упустит в расследовании, думая о Ксюше? Не подставит ли под удар ее саму? И, наконец, сможет ли "принцесса" Ксения принять "рыцаря", который умеет не только спасать, но и убивать?

© Выборнова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Г	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Рыцарь и принцесса

Глава 1

До встречи с Ксюшей я никогда не был особо влюбчивым. Противоположный пол меня вроде как интересовал, но постольку-поскольку — работа все равно стояла на первом месте. Да чего там, я даже за первой женой, Катей, не успел начать ухаживать, как она сама проявила настолько бешеную инициативу, что в ней утопили все мои тихие попытки. Я не очень этому удивился — девушки обычно ко мне охотно липли, покупаясь, видимо, на экзотическую внешность или высокий рост — а может, в принципе на образ «крутого мента». Однако большинство потом быстро видело за внешней смазливостью паршивый характер с кучей заскоков, и любовь их развеивалась, как дым.

Катя паршивый характер, естественно, тоже увидела, и ее также слегка покорило, но, в отличие от предыдущих ораторш, она почему-то не отступила. Наверное, надеялась выстругать из полена, каким я являлся, годного для себя Буратину. Я же, несмотря на любовь к ней и вполне серьезное отношение к браку, выстругиваться не горел, и в конечном счете отношения предсказуемо сдохли. Катя сдалась стругать, вывалила все впечатления обо мне, которые накопились за десять лет брака, и ушла в закат, оставив меня жрать антидепрессанты и мысленно запикиваться под плинтус.

Именно тогда окончательно померла надежда, которая в юности есть, наверное, у каждого человека — что его могут любить со всеми заскоками и закидонами, а не за конкретный полезный список «настоящего мужчины», который, конечно, «должен». Впрочем, мысленное нытье и жалобы на судьбинушку я быстро закончил, спросив у себя, был бы я сам в восторге от бабы, обладающей даже частью моих заскоков. Ответ по-любому выходил отрицательный, так чего тогда от других хотеть...

В общем, путем таких разговоров с собой и регулярного возвращения себя в реальность депрессия моя постепенно затухла, но осталось одиночество. Как часть двойни, один я подолгу быть не любил и так толком и не приучился, сублимируя это дело то дружбами, то работой на износ, то регулярными наездами к маме и сестре, которые, наверное, постепенно начинали видеть меня в гробу. Наконец я удачно отыскал на месте преступления молодого пса, который раньше принадлежал убитому мужику, и взял его себе. Пес был бесприютный и несчастный не хуже меня, так что мы друг друга поняли, как говорится, с первого взгляда. Назвал я его Тобиком, потому что при всем моем уважении ему не подходили «дворянские» имена вроде Ричарда или там Зевса: он был серой дворнягой с квадратной бородатой мордой и спутанной длинной шерстью. Так, с псом, стало повеселее, даже можно было о чем-то поговорить, даром что он меня не понимал. Но людей это полностью не заменяло, так что я попытался без особой охоты ползать по сайтам знакомств.

Там меня сразу же контузило орфографией и пунктуацией пишущих дам. Вот не знаю, как должен был учиться в школе и институте человек, чтобы написать ЗНАЕШ или НИ ЧЕГО. Может, эти девушки имели какие-то другие достоинства, но узнать их мне была не судьба. С теми, кто был пограмотнее и проходил этот сложный для многих чек-пойнт, я даже несколько раз созванивался и встречался. Чаще всего это заканчивалось обоюдным отсутствием восторга и сворачиванием и так-то вялого общения. С кем-то удавалось дойти до двух-трех встреч, но стоило мне оживиться и занять надежды, все обрывалось каким-то неприятным или тупым образом. Одна девушка, например, оказалась вообще замужней и с тремя детьми, что я без труда узнал из ее соцсетей, даже не включая свои сыщицкие способности. Другая вдруг верну-

лась к предыдущему парню — видимо, после сравнения со мной он заиграл яркими красками. А третья, самая неприятная, молчала-молчала, а на очередной встрече выдала, что вообще не рассматривает серьезные отношения с работником органов, потому что все мы как один сплошные упыри с извращенной моралью и склонностью к жестокости и домашнему насилию. Тут уж я не выдержал и поинтересовался, как ее собственная — видимо, очень высокая — мораль позволила ей все десять наших встреч врать о том, что она хочет серьезных отношений, а также активно названивать, написывать и даже спать со мной. Девушка в ответ радостно уличила меня в том, что я повышаю голос, и значит, насчет жестокости она была совершенно права, а я, поскольку терять мне было нечего, просто послал ее нахер.

После такого сайты знакомств стали мне окончательно немилы. Я решил от них отдохнуть и пошел по привычному пути сублимации всей лишней дури в работу. И там, словно нарочно, вдруг возник зачаток романа — с одной из свидетельниц по мелкому неинтересному делу. Девушку звали Лана, в смысле Светлана, просто ей не нравилось сокращение Света. Лицом и фигурой она вполне соответствовала моему пониманию женской красоты, но вот по закидонам перебивала даже меня. Правда, если я отличался скорее резкостью и скандальностью, то она была дико обидчивой и могла часами обсуждать, кто ей что сказал с не такой интонацией. Сошлись мы, наверное, в приступе мазохизма, потому что «не та интонация» была для нее примерно в любых моих словах, а я, в свою очередь, дико раздражался от ее постоянного нытья. Женек, один раз увидев, как мы общаемся, сочувственно спросил, неужели у меня все так плохо и я не могу найти кого-то более вменяемого. Я попытался ему объяснить, что такой характер у Ланы от реально тяжелой жизни (ее с детства третировала безумная мамаша), и мне ее жалко и хотелось бы помочь, вместо того чтобы посылать нафиг, как другие люди. Женек обозвал меня «Серафимом недоделанным» и посоветовал «сдать эту дуру в дурдом». Я отказался и продолжил жрать кактус, то есть встречаться с Ланой, терпеть постоянные обиды и выяснения, а потом длинные приступы истерических извинений. Даже родная сестра Оксанка, крутившая пальцем у виска, не могла вытащить меня из всей той мути. Но помог случай.

После очередного душераздирающего разговора о Ланиных бедах, а также очередного же скандала с обидами и примирения, я офигело и тупо сидел в инстаграме — и вдруг нарыл там Лану собственной персоной. Которая на всех фотках была довольной, веселой и радостной, а также обнимала свою руганую маму, якобы отсутствующих у нее подруг, танцевала на чьем-то дне рождения и т. д. А в посте, выложенном как раз в день нашего душераздирающего разговора, всего через пару часов, она рассказывала, что мама ей купила отдельную квартиру, так что она с подружками в кафе отмечает будущее новоселье.

Пока я на это смотрел, у меня в голове вертелся краткий диалог из какого-то советского фильма: «У меня нет слов! — Что ж вы так, надо было подготовиться». Неожиданно у меня, мента хренового, простроилась в голове ясная картина того, как меня использовала Лана — примерно так, как используют бумажные носовые платки в рулонах. Если насморк настиг — оторвал кусок, высморкался и занимаешься дальше своей радостной жизнью. Пока опять не надо будет сморкаться... Это понимание отозвалось во мне всплеском чистой ярости, которая, протухнув, превратилась в отвращение такого уровня, что ни о каких выяснениях не могло быть и речи. Я просто заблокировал Лану везде и вздохнул с облегчением, будто вылез из выгребной ямы на божий свет.

Дальше я решил, что с меня хватит и что, как говорится, не жили хорошо — нечего и начинать. Вот в работе я хорош — эту область и надо развивать, а не смешить людей очередным «роковым романом» на старости лет. И, снова погрузившись в работу, конечно же, сразу нашел много интересного, а именно никем не расследуемые убийства детей во Владимирской области. Тут как раз пропали очередные два мальчика, и я, выбив из Карги благословение, поехал смотреть, чего там такое происходит. По Каргиным словам, мне должны были «помочь волонтеры-поисковики», но я сразу подозревал, что никто меня не ждет с букетом гладиолу-

сов. Всякие добровольческие отряды нашего брата обычно терпеть не могли, потому что их работа, дескать, корявая и иногда даже вредная, но идет прямо из души, а мы, менты, бездуховно работаем за зарплату и еще смеем от них чего-то требовать.

В целом так и вышло, как я подозревал: приехав в нужную деревню, я был встречен рядом скукоженных подозрением рож, которые при виде моих длинных волос и штатской одежды скукожились еще сильнее. Глава волонтерского отряда по фамилии Шве́ц (жнец и на дуде игрец, блин) разговаривал со мной так, будто я случайно продал его родную маму, остальные просто испуганно лупились и молчали. Их подозрительные мысли бежали по лицам, как субтитры. Симпатичной мне показалась только низенькая и светленькая девушка в очках, у которой лицо было хотя бы просто испуганное, а не подозрительное и тупое. Она переминалась с ноги на ногу — похоже, замерзла, а седоватая баба гренадерского роста что-то ей заботливо говорила. Впрочем, я уже по Лане знал, что приятная внешность и тихое поведение не значат ровным счетом ничего, поэтому просто отметил, что девушка симпатичная, но безо всякого воодушевления, и позвал весь честной народ в избу матери пропавшего: знакомиться.

Там, при свете одинокой лампочки, я уже внимательнее разглядел всех, в том числе и понравившуюся светленькую в очках. Она тоже смотрела на меня, когда думала, что я не вижу, причем очень пристально — у меня даже возникло желание то ли почесаться, то ли посмотреть в зеркало: может, что-то с лицом, иначе с чего бы она так пялилась? Потом я отвлекся на свидетелей, а девушка отвела взгляд, но я продолжал краем сознания отслеживать ее перемещения. Она мне нравилась не только внешне, но и по динамике движений — было в них что-то как будто знакомое, хотя сам я двигался не так.

Поэтому когда она наконец-то попалась мне в руки со своим паспортом, я не упустил случая поговорить с ней несколько дольше, чем с остальными. Я слушал не столько информацию, которую она выдавала (хотя ее композиторская профессия меня удивила), сколько ее голос — довольно низкий, с мягкими интонациями, и он мне тоже нравился. Девушка, понятно, как всякий гражданский человек перед полицией, волновалась, путалась в словах и, наверное, вспоминала все свои мелкие прегрешения и прикидывала, не арестуют ли я ее за них. Я попытался немного ее успокоить, перейдя на более дружеский тон, но тут влез этот-самый Шве́ц и испортил малину шовинистическим высказыванием, что девушка, которую звали Ксения, в «лисе», дескать, ходить не способна и годится только для работы на кухне. От этого я внутренне взбесился и сообщил ему, что идиот никогда не смог бы зарабатывать сочинением музыки, а с пространственной ориентацией и логикой у музыкантов обычно все более чем хорошо. Девушка кинула на меня благодарный взгляд (глаза у нее оказались темными, зелено-карими) и вдруг спросила, как меня зовут. Я тут же радостно представился, чувствуя себя практически Тоби́ком, которого вдруг потрепали по ушам. Это был просто интерес — не кокетливый, зато человеческий, который выгодно отличался от тупой опаски, с которой со мной общались остальные.

Дальше началась моя нелюбимая часть — объяснить предвзятым хмурым волонтерам свои соображения по поводу преступлений и сделать их если не союзниками, то хотя бы помощниками. Информацию они восприняли серьезно, но не успел я порадоваться, как паршивый Шве́ц-на дуде игрец начал мериться со мной этими самыми органами: все время пытался поддеть и подковырнуть, возражал на каждое слово и показывал, что он тут посконная глава, а я никто. Чередуя давление и призывы к ответственности за детишек, я вроде как временно с этим справился: волонтеры начали перемещаться туда, куда я и сказал. Теперь можно было немного выдохнуть и найти ту самую Ксению с мягким голосом. Нашел я ее легко и так же без труда вступил в контакт, предложив помощь в сворачивании кухни. Нужно было ее разговаривать, чтобы не зыркала на меня диким взглядом, как испуганная морская свинка, а заодно самому понять, что за личность передо мной — а это иначе, чем по взаимодействию, не поймешь.

Ксения не делала ничего особенного, просто собирала сумки и иногда улыбалась на словесные выверты, которыми я сыпал, но чувство узнавания у меня становилось все сильнее, а потом к нему прибавилось чувство притяжения. Очень захотелось ее пощупать, но я понимал, что это будет выглядеть дико странно, поэтому только, воспользовавшись каким-то мелким случаем, потрепал ее за плечо. Плечо было жестким и брезентовым из-за волонтерской куртки, но меня вдруг бросило в жар. «Чего это ты?» - поинтересовался внутренний голос — включилась рабочая привычка отслеживать свое состояние. Но я впервые за много последних лет честно ответил себе «Не знаю, да и пофигу» и снова погрузился в общение с Ксюшей.

К моей радости, она охотно полезла со мной в старый фургончик, который нужно было отогнать на поляну. Управление фургончиком для меня было непривычным, а водить я от своего странного расторможенного состояния начал еще хуже, чем обычно, но она, что изумительно, ничуть не пугалась. Более того: нас обоих будто опрыскали веселящим газом, потому что мы всю дорогу ржали по поводу и без. В пути нам удалось окончательно перейти на «ты» — это выканье создавало дистанцию, которую надо было как можно быстрее убрать — а еще она вдруг спросила, сколько мне лет! Ответ я выпалил, наверное, с неадекватной радостью, но относилась она не к количеству годиков, а к тому, что Ксюша мной вроде бы тоже интересуется. По крайней мере раньше свидетели никогда не пытались уточнить мой возраст, если только заявляли с претензией, что я «слишком молодой» для их «сложного дела». С этого же неадекватного разгону я признался, что запомнил, сколько лет ей, и с запозданием подумал, что это может быть неприятно — многие женщины к вопросу возраста относятся с напрягом — но она только улыбнулась, и на эту улыбку я залип, как змея на дудочку. «Улыбается, - тупенько констатировал внутренний голос. — Тебе».

Мне.

Мы с Ксюшей, к моей радости, взаимодействовали еще довольно долго, потому что кухню надо было собрать обратно, теперь уже на поляне. Боюсь, что я не показал себя ни молодцом, ни умницей, потому что у меня есть свойство, когда я на что-то отвлекаюсь, ронять то, что в руках — а на Ксюшин голос и ее лицо я отвлекался постоянно. Спасло меня только то, что большая часть снеди была в небьющихся консервных банках, а газовый баллон от того, что я его все-таки уронил, хуже не сделался. При подключении баллона к плите я, как ни старался, продемонстрировал свою обычную криворукость, которая нападала на меня каждый раз, как я пытался проявить хозяйственность, достойную того самого «настоящего мужчины». Катя на мои ковыряния обычно закатывала глаза и раздражалась или в лучшем случае смеялась надо мной. Так что, в очередной раз уронив баллон и потеряв в темноте гайку, которой прикручивался шланг, я покосился на Ксюшу, которая сидела рядом на корточках, с невольным ужасом, будто она могла меня казнить. Но Ксюша безо всякого раздражения на лице просто достала мобильник и предложила:

- Давай я тебе посвечу? Тут ужасно неудобно, я сама маюсь каждый раз...

- Свети, - согласился я от восторга пронзительным козлиным тенорком. Господи, ну что за везуха мне сегодня — и так голос природно-противный, а от эмоций только повышается — но Ксюша опять никак не среагировала. Я сидел к ней близко, чувствовал исходящее от нее тепло и наверняка заметил бы недовольное лицо или попытку отшатнуться — нет, по нулям. От изумления косорукость моя усилилась, и баллон к плите был прикручен попытки с десятой. Ксюша снова не выразила недовольства и попросила помочь разобрать сумки. Вот тут уж я расстарался, быстро работая что руками, что языком в болтовне, пока не заметил, что она зевает и еле держится на ногах. Расставаться с ней не хотелось совсем, но я кое-как собрал остатки рациональности и сказал:

- Ладно, Ксюш, иди спать, завтра поболтаем. А то ты еле стоишь уже.

- Ага, - сонно бормотнула она и, пошатываясь, двинулась к палаткам. Но все-таки перед тем, как совсем уйти, обернулась и сказала мягко: - Спасибо тебе большое, Колин, что помог. Спокойной ночи!

- Да, - неинтеллектуально отозвался я и сделал машинальный жест, которым обычно отпускал подчиненных из кабинета. Тут же спохватился, что можно было бы вести себя и поизящнее, но Ксюша уже забралась в палатку и застегнулась изнутри.

Я огляделся вокруг, будто меня десантировали с Луны, и как впервые увидел притихшую поляну, потухающие костры, чужие машины... И тут до меня дошло, что я начисто забыл про дело, которое собрался расследовать. Спроси меня сейчас какие-то детали, я только мычать и смогу, как Женек. Изо всех сил потряс головой и даже постучав ладонью по лбу, я наконец добился результата: информация стала медленно выгружаться из какого-то дальнего мозгового чулана в основную память. Вашу мамашу, у меня же еще тьма дел! Надо съездить туда, где есть интернет, и отсмотреть по базам всех волонтеров, потому что нет ничего хуже, чем не знать, с кем будешь работать. Надо отзвониться коллегам. Надо кое-что проверить еще по прошлым найденным тут трупам, посмотреть на карту и все такое... Это как я умудрился настолько вырубиться-то? Совсем охренел, право слово. Ладно, ночь длинная, все успеется.

Спать мне, к счастью, не хотелось. Я и так вечно страдаю бессонницей, а уж после знакомства с Ксюшей сна не было ни в одном глазу вообще. Топая в одиночестве по лесной дороге к машине, а потом уезжая на ней в сторону интернета, я постоянно прокручивал обрывки наших разговоров, вспоминал ее лицо и жесты. Спасибо профессиональной памяти, все это вставало передо мной, как фильм в хорошем разрешении, и я поумерил воображение только тогда, когда чуть не съехал с дороги в кювет.

Да что со мной, сбрендил я, что ли — обычно внимания на все хватало!

Раз такое дело, я решил остановиться на обочине. Местечко было то еще, как в ужастике: черные стены леса по обеим сторонам, наверху — такое же черное небо с редкими звездочками, и тишина, возведенная в квадрат — ни птицы не пищали, ни насекомые не стрекотали. Но интернет тут уже ловил, значит, пойдет. Отодвинув сиденье назад на максимум, чтобы хоть немного вытянуть ноги (черт меня дернул поехать на Женькиной машине, моя ведь просторнее), я залез в базы данных... и очнулся только тогда, когда моя рука будто сама собой настукала имя-фамилию-отчество Ксюши.

«Так», - сказал внутренний голос, а меня снова бросило в жар, потому что с хорошим запозданием доперло, что все это значит. Я в нее натурально влюблен! Со всеми признаками этого приятного, но совсем не рабочего состояния. И теперь уже точно надо посмотреть информацию о ней как можно быстрее. Мне нужно ее узнать, чтобы понять, что я буду делать.

После разворачивания базы Ксюшина жизнь предстала передо мной как на ладони. Была она одновременно очень обычной и очень печальной: окончание академии Маймонида, работа композитором на дому — ого, к скольким сериалам и фильмам она, оказывается, написала музыку — раннее замужество с однокурсником по имени Станислав... Потом развод, как и у меня, через десять лет. Мирный, без лишних судов — разделили имущество полюбовно, видимо. Еще до развода у Ксюши начали умирать родственники: сначала отец, потом мама, а уже после развода — бабушка. Выходит, она уже пару лет совсем одна — ситуация даже худшая, чем моя. А так по ней и не скажешь. Я бы на ее месте наверняка разобиделся на судьбу, впал в злобу, депрессию или во все одновременно, а она всего лишь слегка нервная и пугливая. Ничего себе моральный запас сил у человека!

Еще довольно много времени я потратил на просматривание Ксюшиных соцсетей. Каждое слово и каждая фотка отдавались во мне странным эхом, будто что-то толкалось внутри. Через полчаса я изучил ее родственников, ее коллег, ее однокурсников, ее манеру одеваться и краситься, посмотрел несколько видео, где она поет и играет... И поймал себя на том, что поглаживаю экран, где застыло ее веселое лицо. Теперь я имел достаточно информации о ней,

чтобы полностью и максимально близко к реальности достроить ее личность. А достроив, вдруг понял: это не влюбленность, а что-то гораздо более серьезное. Ксюша — тот человек, которого я могу по-настоящему полюбить.

Когда меня бухнуло этим — очередным уже за сегодня — осознанием, я тут же понял, что не могу держать такую информацию в одном себе. Нужно было немедленно поделиться восторгом, который лез, как каша из кастрюли, с моей единственной родственницей, то бишь сестрицей. Недолго думая, я набрал ее номер.

- Ты чего, братец, охренел? — после двадцати гудков сказала мне Оксанка хриплым голосом. — Два часа ночи, мне на работу вставать! Или чего случилось?

- Да! — сказал я твердо. — Ты можешь глянуть одну девушку — я щас сброшу тебе ее соцсети? Нравится она тебе? Ее зовут Ксюша.

- Колин, ты сбрендил, что ли?

- По-моему, да. Поэтому я и хочу, чтобы ты тоже на нее посмотрела.

- Та-ак... - протянула моя ближайшая родственница, постепенно просыпаясь. — Погоди, я на кухню зайду, а то Лизка спит. Все. Зашла. Эта Ксюша кто такая? Очередная твоя пассия?

При слове «пассия» меня снова обдало жаром — вегетатика влюбленного организма никак не хотела успокаиваться. Сам не понимая своих эмоций, я сказал неуверенно:

- Нет, мы только сегодня познакомились. Я не уверен вообще, что ей нравлюсь.

- А-а, втюрился! — обрадовалась Оксанка. — Ну давай, показывай. Надеюсь, не идиотка, как эта твоя Лана.

- Она композитор, пишет музыку к фильмам, а тут волонтерит... - я как начал объяснять, так и не закрывал рта, пока привычная к моей болтовне сестрица рылась в Ксюшиных соцсетях. Я расслышал, что она одобрительно хмыкает и побряхтывает — значит, ей Ксюша тоже понравилась. Хотя кому она вообще может не понравиться... Блин, а если у нее парень есть? По фото вроде не видно, но не будем думать наперед. Парень — это не муж, да и мужа можно подвинуть...

- Да, - задумчиво сказала сестрица наконец. — Хорошая. Лишь бы ты ей понравился.

- А что, думаешь, не могу?

- Можешь. Только не дури как обычно, ей и без тебя проблем хватает, судя по твоим же рассказам.

- Ну спасибоочки. Умеешь ты вселить уверенность.

- Ой, ну тебя в жопу, нежный цветочек. Уверенности ему. Ты меня в два ночи разбудил!

- Ну прости, Ксан, в меня просто это все не влазит.

- Да понимаю, - Оксанка хихикнула. — Будем считать, что это твоя месть за все разговоры о моем муже-идиоте, которые ты выслушал... Ладно, удачи, братишка. Правда, постарайся не упустить ее, раз уж влюбился. Если чего, звони мне, я подскажу, чего делать, все-таки тоже баба какая-никакая, - она вздохнула и так глубоко зевнула, что я невольно сказал:

- Ладно, иди спи, действительно. Дальше уж постараюсь не названивать. Буду писать.

- Угу, - согласилась сестрица и дала отбой. Я бросил телефон на колени и откинулся назад, глядя сквозь стекло невидящим взглядом. Тут же захотелось позвонить и маме, но что она мне скажет на звонок в ночь-полночь, я прекрасно представлял, поэтому принялся с сожалением набирать длинное сообщение на английском, то и дело не попадая в нужные буквы. Можно и по-русски написать, но английский — мамин родной язык, на нем она быстрее ухватит суть дела... Пальцы постоянно соскальзывали с экрана, так что я в конце концов сдался, стер написанную абракадабру и просто записал одно за другим несколько голосовых сообщений, стараясь почетче выговаривать слова. Английский у меня был с «африканским прононсом», ведь выучил я его именно из-за приемных родителей, и я неизменно приводил в ужас всех школьных и институтских педагогов ужасным жестким произношением, но мама «нор-

мальный» английский понимала хуже. Ладно, проснется — ответит мне, а я увижу это, как съезжу в зону интернета.

После отсылки сообщений в голове освободилось немного места и для дел. Уже не с таким энтузиазмом, просто технически, я просмотрел информацию на всех волонтеров (и увидел кое-что компрометирующее, но ничего сильно криминального), потом полез смотреть отчеты по делам и прикидывать возможное расположение будущих или не найденных захоронений... Голова работала с некоторым скрипом, но кое-как дело шло, а ночь еще не закончилась. Главное было не представлять, как я завтра буду говорить с Ксюшей.

Глава 2

Поспал я в результате от силы пару часов — на рассвете, когда идет самый вырубон. И примерно полшестого проснулся — сам не понял отчего. Вроде бы это не был мой очередной «вещий» сон (слава тебе господи), и вроде в нем не фигурировала Ксюша (мне почему-то не хотелось видеть ее во сне), но осталось странное, лихорадочно-тревожное ощущение. «Хер заснешь», — определил мой внутренний голос, привыкший к подобным состояниям. Я махнул рукой, смиряясь с неизбежным, и приподнялся с разложенных сидений, на которых спал неудобным зигзагом. Стекла, несмотря на оставленную щель, насмерть запотели, по ним аж текло и с той, с другой стороны. Это ж сколько воды и во мне, и в природе... Странно, что я это заметил. Я сегодня как будто новый человек, к добру или к худу... При этой мысли зачесалось в голове что-то поэтическое. До боли хотелось как-то выразить и свое состояние, и описать встречу с Ксюшей, и всю эту атмосферу... Ладно, раз творческий зуд пошел, лучше его выплеснуть, чтобы потом не зависать посреди расследования с коровьим взглядом.

Я открыл заметки в телефоне и принялся без пауз набирать текст. В таком одурелом состоянии поэзия у меня обычно прет — только записывай, проблем нет ни с рифмами, ни с чем. Через десять минут в заметках красовалось длиннющее стихотворение: как и положено настоящему поэту, восторженное и слюняво-сопливое, хоть сразу отсылай для публикации в платный сборник типа «Ромашковые зори», который не будет читать никто, кроме самих поэтов. Когда я представил, что это читает Ксюша, у меня аж кровь к лицу прилила от ужаса или стыда. Не знаю, покраснел я или нет — с моей желтоватой кожей я зимой и летом одним цветом — но хорошо так проколдобило. Ладно, черт с ним: зато полегчало. Поспешно выйдя из «заметок» в телефоне, я так же поспешно выбрался наружу и из машины.

Лагерь, конечно же, дрых, а мне, естественно, хотелось звучать. Из всех зол я в конце концов выбрал спеть что-нибудь не особо громкое, и, усевшись на сыроватый корень ближайшей елки, вполголоса завел песню «Я сегодня до зари встану». Она подходила к моему настроению, да и ко всей ситуации, хотя, казалось бы, при чем тут любовь и война — но для меня в этом было много общего, только в войне, в отличие от любви, я разбирался лучше. От этого, чем дальше я пел, тем мне становилось спокойнее. И поэтому я даже не дернулся, когда из-за ближайшей палатки вдруг высунулась растрепанная и прищуренная утренняя Ксюша, с солнечным светом в золотистых волосах, в расстегнутой куртке, под которой виднелась белая футболка. Эта футболка, под которой просматривалось живое человеческое тело, заняла все мое внимание, до тех пор пока Ксюша не заговорила, спросив, где это я научился так хорошо петь.

Вопрос был задан каким-то таким излишне восторженным тоном, каким говорят малышам: «ах как ты замечательно сложил пирамидку», что вдруг вызвало во мне мгновенную и неожиданно острую обиду, и я брякнул в ответ что-то резкое. Ксюша заморгала.

«Ты чего, дебил?! — заорал внутренний голос. — Тебе Оксанка только что сказала: не напорти! Нашелся еще Карузо! Сейчас она вообще уйдет, и правильно сделает. Объясни по-нормальному, а не ерничай!»

К счастью, Ксюша оказалась необидчивой, и мои пояснения про то, что я с детства был солистом хора, восприняла благосклонно. Решив действовать нахрапом, я усадил ее на соседний еловый корень и принялся за то, что у меня лучше всего получалось: болтовню о том-о сем. Вроде бы, я вызывал у Ксюши какой-то интерес — она слушала меня не перебивая, улыбалась и рассказывала о себе личную информацию, которую я пропускал мимо ушей. Моей целью было не узнать ее получше — я для одного дня знал более чем достаточно — а установить с ней контакт и доверие. Это в принципе нетрудно, когда работаешь со свидетелями, но в данном случае мне мешали взбесившиеся от любви мозги, так что приходилось вдвойне следить за тем, что я нес. К тому же со свидетелями нормально привирать и притворяться, а здесь

я этого делать не хотел максимально. Какие отношения на вранье-то построишь? Слава богу, мне действительно понравилась Ксюшина музыка, так что я мог искренне ее похвалить — я знал, что для творческих работников важно, чтобы близкие люди поддерживали их именно в творчестве. Легче всего контакт у нас находился через пересечение интересов — то есть через музыку, учебу в музыкалке и пение, на это я и напирал. Когда, наконец, темы закончились, я вспомнил еще один свой козырь и предложил ей вместе со мной поделать утреннюю растяжку.

Ксюша посмотрела на меня в явном сомнении, но все-таки из вежливости согласилась, а мне этого и было надо. Совместное занятие физкультурой всегда имеет большие перспективы для сближения.

Я показал ей несколько легких базовых упражнений, которые проделывал и сам, и со своими гавриками в отделении. Она повторяла их без труда и снова успокоившись. Растяжка у Ксюши оказалась довольно приличной для неспортивного человека — она доставала руками до земли с прямыми коленками, хотя при этом горбилась. Но чем больше я смотрел на ее загорелые руки, на постоянно задирающийся подол футболки (куртку она сняла), на ее шею, которую то скрывали, то открывали светлые волосы, тем более навязчиво мне хотелось до нее дотронуться, причем не одним пальцем, а как следует — например, обнять и понять, какие от этого будут ощущения. Но объятия мне не светили в ближайшем столетии: упражнения по растяжке их не подразумевали, познакомились мы буквально вчера, и своей нетерпачкой я, если полезу, точно все испорчу. Наверное, это и было то, о чем предупреждала меня Оксанка, но мыслить рационально в Ксюшином присутствии у меня решительно не получалось. В конце концов я с отчаяния выдумал какую-то дичь — что мне нужна помощь в просаживании на шпагат, и пусть, дескать, она мне усядется сзади на ногу.

Лицо Ксюши, когда я выдал это лихое предложение, отразило понятное замешательство, к которому, кажется, примешивалось сомнение в моей нормальности, но я не дал ей опомниться и начал поторапливать и поддавливать — я уже понял, что человек она мягкий, терпеливый и отказывать без крайней нужды не будет. Ксюша действительно быстро сдалась и, опершись на мои плечи теплыми ладонями, осторожно уселась мне на ногу и прилипла к спине, потому что шпагат действительно подался вниз под ее тяжестью.

Вот тут я сам чуть не пожалел, что все это затеял. Я не ожидал, что ощущения от ее близости будут такими сильными. Меня будто током продернуло, сердце заколотилось быстро и неровно — наверняка и дышать я начал, как паровоз, - хорошо еще, что это можно было списать на неудобную позу. Это было даже не совсем сексуальное возбуждение — посмотрел бы я на того, кто способен особо возбудиться, сидя в болезненном шпагате — а просто незнамо что. Наверное, моя природная истеричность помножилась на бессонную ночь и кучу информации, вот так и заклинило. Надо было это все прекратить, но когда Ксюша попыталась встать с вежливым вопросом, не больно ли мне, я велел ей остаться прежде, чем успел подумать. Она послушно осталась и снова привалилась сзади теплым мягким телом, а руки вывесила вперед через мои плечи. За них я и взялся, чтобы подтянуть ее, когда она начала сползать куда-то назад. Руки были тоже теплыми и мягкими, что меня почему-то удивило, будто я подспудно считал, что у композиторов должны быть мозолистые пальцы от стучания по клавиатуре, как у нас, ментов, от обращения с тяжелым оружием и драк...

Сам я был готов держать с ней такой контакт до тех пор пока у меня не отвалится нога, но Ксюша в какой-то момент явно устала и принялась возиться. Пришлось встать и расклеиться. Невольно прихрамывая на отдавленную ногу, я принялся показывать ей другие упражнения, но теперь уже почти каждый раз касался ее — уже не одним пальцем, а хотя бы ладонью. Слава богу, она после шпагата воспринимала это спокойно, а мне сильно полегчало.

Потом, к сожалению, пришлось возвращаться к делу: лагерь вокруг зашевелился, люди поползли из палаток. Никогда, кажется, я не испытывал такого равнодушия к бедным пропавшим пацанам и такого нежелания расследовать — мне хотелось, как школьнику, под любым

предлогом откосить, и только многолетняя привычка не давать себе распускаться кое-как собрала меня в кучку. Ксюша принялась варганить завтрак и чай-кофе и обслуживать волонтеров. Те с кислыми минами принимали от нее стаканчики, обсуждая меж собой меня, что я прекрасно слышал, даром что был на другом краю поляны. Уши у меня на подслушивание натренированные, и лишние шумы отсекали от речи великолепно. Я прослушал несколько весьма нелестных высказываний о своей внешности, которые меня не тронули — я и сам себя красавцем не считал отродясь. А вот то, что Ксюша пыталась им возражать, вызвало у меня невольную улыбку и очередной приступ сердцебиения. Означает ли это, что я ей теперь нравлюсь побольше, чем раньше? Наверное, да, не зря же я все утро ее обрабатывал. Дальше расставаться тоже не хотелось, так что я взял ее «на дело», разыгрывать перед деревенскими легенду. В ее актерские способности я не особо верил — люди такого типажа обычно плоховато играют — ну ничего, если что, подкорректирую по ходу дела. Правда, перед выездом пришлось пережить очередное противное взаимодействие с остальными волонтерами. Те по-прежнему ставили мне палки в колеса, утверждая, что все тут кристально честные люди, поэтому в мобильники их заглядывать не надо. Особенно надрывался Швец, он же ДядяТоля, он же бывший сиделец за воровство со здоровенным долгом по алиментам. Это называется, было бы смешно, если бы не было так грустно. Второй по активности была долговязая седоватая Алена, которая опекала Ксюшу. Из ее досье я знал, что у нее огромный зуб на полицию, поэтому раздувать конфликт не стал, но и не стал делать вид, что всем им доверяю. На их лицах тоже не отразилось восторга от беседы со мной. Взаимно недовольные друг другом, мы все же собрались в кучу и поехали в деревню.

Ксюша оказалась ровно такой же плохой актрисой, как я и думал. На пару с Аленой они составляли ужасающий дуэт, который вызывал желание прихлопнуть лицо рукой и больше ее не отрывать никогда. Слава богу, продавщица и деревенские жители наверняка смотрели не утонченное кино, а хреновые сериалы по телику, где актеры играют еще хуже, так что им сошло. А потом и я подбавил со своей стороны, сгладив совсем уж шероховатые места. Дальше, поскольку расследование приперло, пришлось отправить их в самостоятельно плавание, снабдив инструкциями, — я видел, что Ксюша по крайней мере ответственная, а значит, сделает по максимуму, плюс, как музыкант, может хоть частично повторить то, что я ей показал. Остальные волонтеры тоже пусть и со скрипом, но работали, так что я успокоился и пошел беседовать с семьями пропавших пацанов. В семье Димы, с которой мы видались только вчера, от моих слов о том, что я прекращаю поиски и уматываю, с и так-то громогласной матерью пацана случилась истерика. Тетка и бабушка Димы, откачивая ее, зыркали на меня, как на врага народа. Чтобы мать не хватил кондратий, я тоже проявил умеренное сочувствие, даже передал ей стакан водички, но легенду менять не стал и, уходя, явственно чувствовал, как мне в спину бьют проклятья.

После такого от второй семейки я ждал чего угодно. К счастью, они оказались алкоголиками, поэтому что вчера, что сегодня квасили не просыхая. Из слов назюзюканного до положения риз папаши я понял, что отсутствия сына он не заметил. Мамаша со своей синей лавочки добавила, что «Витька часто убегает. Придет, куда денется, хрен с ним».

- И с вами тоже, — пожелал я им вежливо и удалился сквозь алкогольные пары.

В лагере Ксюша поприветствовала меня предложением обеда. Я, конечно, согласился, и мы еще поболтали — по делу и просто так: я неожиданно для себя рассказал ей позорный случай из моей юности, когда я спланировал с крыши пятиэтажки. Она, конечно, ужаснулась, и я перескочил на разговоры о деле, что мне давалось легче.

Ксюша охотно рассуждала вместе со мной, но как дошло до того, что мы вместе пойдем в лес, неожиданно заартачилась и принялась со всем убеждением доказывать, что не способна ходить по лесу. Надо же как ее этот дебильный ДядяТоля запугал, с ума сойти! Наверное, если он запретит, она и дышать не будет. Стараясь скрыть раздражение, я принялся спорить

с Ксюшиной иррациональной позицией и в конце концов неожиданно для себя ляпнул: «Ты мне нужна».

Это можно было понять как «ты нужна мне для дела», но Ксюша, видимо, поймала и истинный контекст, потому что мгновенно перепугалась, попятилась и скрылась в вагончике. Потом она возилась там целую вечность, явно опасаясь выходить, а я сидел на траве и ругал себя последними словами. Но, нет худа без добра, к тому времени как она решилась высунуться, я уже перестроил стратегию и начал напирать не на романтику, а на то, что мне необходима помощь. Помочь Ксюша тут же согласилась — здесь я вспомнил самого себя, попавшего Лане. В этом мы с ней, значит, похожи... В общем, не мытьем так катаньем согласие ее на поход со мной в лес я получил.

Ходили волонтеры по лесу неплохо — чувствовался большой опыт, а малину портил опять ДядяТоля. Понятия не имею, какие комплексы снесли этого бывшего вояку — но он вообразил себя генералом Кутузовым и поминутно гаркал на своих, заставляя держать неудобный темп, лезть в неудобные места и прочая. Неэффективность его командования поражала воображение, но удивления не вызывала: по работе я сталкивался еще и не с такими дуболомами, особенно среди мелких начальников. По сравнению с ними ДядяТоля отдохнул, да и не мое это было дело, если его группа — мазохисты и любит пожестче, поэтому я просто ходил вокруг них, решая свои вопросы, и иногда только поглядывал, как там Ксюша. Она, как и все, не жаловалась и чесала в том же неестественно-быстром темпе по высокому земляному гребню. А еще говорила, что по лесу ходить не умеет!

Только я успокоился и начал нормально (хоть и на бегу), размышлять над делом, как со стороны группы послышались какие-то шумы и вопли. Только этого не хватало в лесу, где может скрываться преступник! Я ринулся к ним рысью, матерясь про себя. Как говорила мама нам с сестрой, когда мы в очередной раз что-то чудили, «Вас, дети, на минуту оставить нельзя!».

Дело было снова, оказывается, в ДядеТоле. Тот вздумал орать на Ксюшу за то, что она не смогла держать их темп бешеной табуретки и упала. Ксюша, вся расстроенная, со слезами на глазах, переадресовала эти вопли мне, шепотом прокричав, что от нее нет толку и не надо было ее сюда тащить. Я хотел объяснить, что они просто по милости их царька слишком быстро чешут, но от Ксюшиных слез во мне что-то дрогнуло: я вдруг ощутил ее состояние как свое и чудом тоже не разревелся. Остановило меня только то, что в Ксюшиных глазах появилось вместо горя удивление — наверное, у меня физиономия соответствующе исказилась. Нет худа без добра, от этого я взял себя в руки, а слезы перешли в приступ ярости, который я и направил по адресу: в ДядюТолю. Серьезно бить я его не стал, хотя хотелось, — просто слегка хлопнул по рукам, как нашкодившего малолетку, и гаркнул как следует, чтоб запомнил, кого тут можно трогать, а кого нельзя. ДядяТоля, как я и думал, адекватно оценил свои возможности в случае драки со мной и в клинч не полез, так что я, наконец, с полным правом отобрал у него часть отряда, включая Ксюшу, и организовал ее нормально.

Дальше мы продолжили поиски, и я волей-неволей должен был сосредотачиваться на деле и считывании окружающего пространства, но все равно мою траекторию клонило к Ксюшиной, и я пробежал мимо нее кучу раз, вращаясь вокруг, как спутник. Она, к счастью, больше не плакала, даже улыбалась, а потом вообще сказала, что с моей организацией поисков не устала, а отдохнула. Я снова обрадовался этому комплименту, как дурачок — деревянной ложке, и начал бегать прытче. А вот Ксюша, да и остальные, явно подустали и в конце концов начали мне мешать своими замедлениями. Тут уж я, несмотря ни на какую любовь, отправил их всех, включая Ксюшу, до дому-до лагеря, а сам пошел на второй круг со сменным отрядом.

Сменный включал Иван Ивановича, которого я запомнил как старого, но крепкого ипохондрика, пару молодых девчонок и нескольких толковых мужиков средних лет, по которым угадывался какой-то схожий с моим опыт — военные или структуры. Дело у нас сразу пошло

на лад, разброд и шатания прекратились. Я объяснил отряду свои соображения насчет того, где могут быть еще не найденные захоронения — ближе к западному краю леса — и предложил там походить. Никто не отказался, и мы принялись шастать. Лес тут был весьма так себе, довольно непролазный: под ногами спутанная трава и колючие кусты, над головой — ветки, которые так и норовили тыкнуть тебе в глаз, а когда ты расслаблялся, сразу же всей мордой въезжал в густую паутину и долго отплевывался. К тому же постепенно наступали сумерки. Ладно, если и этот отряд начнет гундеть, и его отправлю нафиг и дальше похожу один.

Но нет, никто не гундел, все покорно тащились за мной туда, куда меня тянуло. Тягу эту я не пытался объяснить рационально, но в том или ином виде она была у любого опытного работника органов, а уж у меня-то, с моей склонностью к «видениям», и подавно. Наш вежливый Андрюшка называл такое состояние «Вживаться в личность преступника и предсказывать его поведение», а невежливый Женек - «Чуют жопой, где какое-то дерьмо лежит». Так вот не знаю, куда я вжился и чем чуял, но меня сильно тянуло проверить участок леса, тянувшийся параллельно шоссе. По рассказам местных, там было несколько оставшихся еще с войны курганов — бомбоубежищ или бывших землянок. А ведь надежнее всего прятать что-то в ряду таких же штук... Эту теорию я кратко изложил слегка подвядшему отряду и закончил:

- В общем, пройтись бы по этим курганам и посмотреть, не появилось ли в них что-то свежее. Я это еще в Москве задумал, честно говоря. Вы можете не участвовать, если уже устали, но вообще ваша помощь мне бы пригодилась.

- Ничего, товарищ майор, вы за нас не переживайте, - сказал один из крепких мужиков по имени Семен. — Идемте куда хотели. Если устанем, сами разберемся.

- Работайте спокойно, - ласково добавил Иван Иванович и слегка по мне похлопал, будто давая благословение.

Я благодарно кивнул и припустил вперед. Положительно, с этим отрядом я прямо морально отдыхал, хоть они и именовали меня по званию, чего я со своей вечной неформальностью обычно не любил.

К курганам мы пробрались в неприятном полумраке, который добавлял соответствующей атмосферки. Это был ряд небольших, метра по два высотой, холмов голой черной земли, которые возвышались над чуть заболоченной и заросшей осокой почвой. От болотца тянуло прямо-таки могильным холодком, лес притих, будто в нем все померло, - короче, я бы не удивился, если бы с ближайшего кургана мне помахало привидение...

А кстати о ближайшем кургане: чем-то он мне не понравился. Чем — я не мог сказать, просто то самое жопное чутье разыгралось. Может быть, мозги, запроваженные долгим опытом работы, подсознательно словили какое-то несоответствие. В таких случаях, когда что-то кажется, надо не креститься, а обязательно проверять, так что я выдернул ноги из болота и полез на курган.

И прямо на вершине меня стопорнуло. Одна нога начала уходить в землю. Да, весь курган был довольно-таки размокшим, потому что дожди прошли здесь не так давно, но под ногами земля почти не сползала, сцепленная кучей незаметных корешков, которые пронизали ее за много лет, прошедших с войны. А тут явно эту целостность кто-то нарушил, и, видимо, не так давно, иначе бы все заросло обратно. Уж знамо не год назад, да. А посветив фонариком вперед, я четко увидел, что земля еще и немного осела, вычертив неровный прямоугольник. Так всегда бывает при захоронениях, как ни трамбуешь. Я присел на корточки, одновременно вытаскивая из кармана резиновые перчатки, и позвал вполголоса:

- Ребята, подите сюда. Мне тут надо будет поковыряться, дайте саперную лопатку и вообще все, что у вас копательного.

- Поняли, - отозвался снизу Семен. — Что-то нашли?

- По виду похоже на захоронение, относительно свежее. Но надо будет аккуратно подрыться и проверить.

- Помочь копать?

- Можно, только сразу предупреждаю: зрелище вас может ждать то еще. Если привычки нет, лучше не суйтесь.

- Ничего, товарищ майор, разберемся, мы не малыши. Вот девочек в сторонку сейчас отведем — и поможем вам.

От помощи я не отказался — одному ковырять все-таки слежавшуюся землю почти без инструментов тяжело и долго. Возиться мы принялись вместе с тремя мужиками, включая Иван Иваныча, который разбавлял наше мрачное молчание оханьем про свою поясницу, что придавало раскапыванию могилы некий уютно-домашний колорит. А в том, что это была именно могила, у меня оставалось все меньше и меньше сомнений. Я принялся копать аккуратно и медленнее — и наконец саперная лопатка ткнулась во что-то упруго-податливое, что оказалось грязной тряпкой вроде простыни. А под простыней, несомненно, кто-то был.

Мужики, видимо, заметив, что я дернулся и сменил позу, тоже застыли на полусогнутых.

- Что? — полушепотом спросил Семен. — Нашел?

- Что ты спрашиваешь, Сеня, - укорил его Иван Иваныч. — Запах не чувствуешь, что ли?

Я-то как раз запаха не чуял из-за своих проблем с обонянием, зато это помогало мне спокойно работать с несвежими телами, не используя респиратор. Натянув свежие перчатки, я сказал:

- Ну вот теперь я вас точно не держу.

Мои помощники ответили молчанием и никуда не делись. Сочтя, что они сами могут за себя отвечать, я принялся уже без комментариев аккуратно добираться до тела. Судя по размерам, это был ребенок или маленького роста женщина. Я отвернул край простыни.

А, нет, ребенок — мальчик, примерно 12 лет, без одежды. Очень прилично сохранился, были четко видны порезы на теле — видимо, следы пыток.

- Ну чего, давай на тебя посмотрим, бедняга, - пробормотал я, и, поскольку ноги затекли от долгого сидения на корточках, встал у края захоронения на колени. Над покойным пареньком витало что-то тяжелое, кроме собственно запаха, - что-то вроде неуспокоенного духа или просто следов жутких эмоций, которые были у него перед смертью. Вообще я в такое верил постольку-поскольку, но, по привычке много делать разной фигни просто на всякий случай, сцепил пальцы левой руки в кольцо, как мы в детстве защищались от сглаза, а правой рукой дотронулся до плеча пацана и прошептал:

- Все-все, иди отсюда, дальше мы сами без тебя разберемся.

Атмосфера немного полегчала. Можно было съезжать на деловые рельсы: дораскопать тело, сфоткать все, что можно, для криминалистов...

Тут что-то резко зашумело. Я аж дернулся, потому что забыл, что со мной на холме, кроме трупа, кто-то есть. Оказывается, это Семен быстро ссыпался вниз. Через секунду раздался еще один характерный звук, какой бывает, когда кто-то блюет. Мда, вот тебе и «разберемся».

- Ребята, я же вас предупреждал, - сказал я с раздражением из-за того, что они прервали мои мысли. — Не можете глядеть спокойно, слазьте. Мне тут еще полчаса ковыряться как минимум.

По времени я им сказал чистую правду, так что минут через десять возле меня уже никого не осталось. Самым стойким оказался Иван Иваныч (так и знал, что ипохондрики — самые крепкие люди во всех смыслах), но и он не стал засиживаться, поскольку помочь мне ничем не мог, а долго рассматривать такое безо всякой цели не стал бы даже я.

А вот у меня хоть цель и была, но тоже рассматривание и фотографирование пацана радостных мыслей не прибавляло. Я не относился к тем, кому всегда больше жалко детей — перед смертью, на мой взгляд, мы все примерно равны, а ребенок отличается только тем, что обычно к своему возрасту не успел никого сильно взбесить дерьмовыми поступками, оттого его

и жалеют больше — но конкретно здесь меня пробирало по личным причинам. Наше маньячило подстерегало исключительно ребят из неблагополучных семей, а то и сирот, поэтому я невольно примерял это все на себя и Оксанку. В детдоме к нам мало того что лезли большие пацаны — были вещи и похуже и пострашнее, исходящие от взрослых. Помню, приходил к нам какой-то невзрачный серенький мужичок, который вроде как хотел кого-то усыновить, а пока «присматривался». Он и с нами заговорил, дал каких-то конфет, от которых моя глупая сестрица тут же растаяла, а я напрягся донельзя. Наверное, то самое жопное чутье у меня тогда уже было развито, до всякой службы в полиции, и, хотя аргументированно я ничего сказать не мог, просто устроил дикую истерику и сказал сестрице, что усыновляться к этому типу мы поедем только через мой труп. Оксанка перепугалась и дала заднюю — теперь мы оба прятались от мужичка, когда он приходил. Тот особо по нам не горевал, а ходил-разговаривал с другими детьми. И однажды воспитатели заметили, что куда-то пропала Светка Мальцева, девчонка лет восьми с тощими косичками и торчащими сильнее, чем у нас с сестрой, зубами. И тип этот невзрачный пропал вместе с ней. Их обоих так и не нашли. Только через много лет, уже работая в полиции и роаясь в архивах, нашел я это дело. Невзрачный мужичок оказался больным на голову: кроме Светки, он убил еще троих детей, пока его не поймали.

Все эти «приятные» воспоминания витали над темным курганом, над пацаном, лежащим в нем, над моей собственной головой, отчего соображал я все хуже и хуже. Слава богу, работа по фиксации места преступления больше техническая и не требует быть гигантом мысли. Наконец зафиксировав все, что надо, я слегка прикопал могилу обратно и велел уже невидимым в темноте волонтерам выдвигаться в сторону интернета и телефонной связи, а то хрен тут криминалистов вызовешь...

В общем, наконец дозвонившись до всех и раздав все инструкции, до лагеря я добрался в кромешной тьме в крайне раздерганном состоянии. Все волосы и одежда у меня были в ветках, листьях и репьях, в горле почему-то постоянно сохло — наверное, просто вода испарилась от беготни по лесу, а пил я только на обеде и в малом количестве. Так... где у них тут вода? В Ксюшином вагончике?

Только я мысленно произнес Ксюшино имя, как в вагончик меня потянуло со страшной силой, будто на веревке. Мне упорно казалось, что она именно тот человек, который больше всего мне нужен после увиденного. Нет, конечно, я не собирался ей в подробностях описывать откапывание трупа ребенка — мне просто хотелось побыть с ней рядом, послушать ее мягкий голос и посмотреть на лицо с такими же мягкими, закругленными чертами... Пусть говорит про ужин, про сочинение музыки — хоть про черта лысого, но мне надо к ней попасть.

В кухонный вагончик я под такие мысли влетел с разгону и завис на пороге, глядя в Ксюшину спину, обтянутую вечной брезентовой курткой. Ксюша через пару секунд обернулась и, понятное дело, аж подскочила. Лицо ее выражало больше тревогу, чем радость — видимо, зрелище вылезший из лесу я представлял то еще. Потом до меня дошло, что она спрашивает, не надо ли мне поужинать. Тут я вспомнил, что вроде бы и шел изначально за водой, и попросил ее. Ксюша выдала мне чай, к счастью, не очень горячий, потому что я с разгону его проглотил залпом. Она посмотрела на меня, чуть наморщив лоб, будто была погонщиком, который решал, как напоить своего слона, и наконец с усилием вытащила из-под лавки здоровенную канистру с водой. Я выпил еще пару стаканов, мы о чем-то там говорили (про труп я не упоминал, отделившись расплывчатым обещанием «все рассказать попозже»). И, чем больше я смотрел на Ксюшу, тем больше мне хотелось снова до нее дотронуться. Но каким образом? Не предлагать же здесь заниматься растяжкой. Как можно использовать ее симпатию, которая вроде есть, но явно не такой силы, чтоб бросаться ко мне на шею? Попросить помочь в каком-то деле? Расплакаться и попросить себя обнять, вдруг из сочувствия уступит? Просто схватить ее в охапку по образцу романтического кино, а дальше разбираться?..

Нет, последний вариант — это опять то, о чем предупреждала Оксанка. Кому, как не мне, знать, что в реальности люди от резкого хватания в охапку начинают орать и звать на помощь, аовсе не целоваться... Ну вот и зачем я еще и про поцелуи подумал? Сам под себя копаю. Наверняка у меня все на лице написано.

Пока я занимался этими мысленными метаниями, Ксюша вдруг совершила фантастическое действие: сама добровольно подошла ко мне и, глядя в глаза, попыталась оторвать от моей толстовки один из намертво приставших репьев.

Как только ее рука легла на мою грудь, рационально рассуждать перестало быть возможным. Я думаю, любые присяжные меня в этот момент бы оправдали, будь они мужского пола, потому что реально бывают моменты, когда остановиться тебя может заставить только дуло пистолета, и то навряд ли. А тут еще Ксюша вдруг потянулась ко мне, привставая на цыпочки, и я понял: нет, дуло пистолета тоже не поможет.

Конечно же, и в поцелуе я сразу же показал всю свою удаль и великолепие, резко дернувшись навстречу и стукнув ее зубами. «Ну молодец, чего сказать», - язвительно откомментировал внутренний голос, но сразу же заткнулся, потому что Ксюша не отстранилась. От прикосновения к ее губам меня вынесло куда-то за горизонт Вселенной и никак не заносило обратно. Я вдруг перестал толком понимать, что делаю, только чувствовал ее губы под своими губами и ее теплую кожу под своими ладонями. Потом во мне мигнули остатки разума и пискнули: «Дебил! Она сейчас решит, что ты, как Женек, ебешь все, что движется! Объясни ей, что не в этом дело. И побыстрее!»

Я послушался этого разумного голоса и, на секунду оторвавшись от Ксюшиных губ, сказал то, что уже успел понять за эти сутки:

- Я тебя люблю.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.